

А. Н. Медведь

Ростиславль в XVI веке: окраина Московского государства

Присоединение Рязанского великого княжества к Московскому в первые годы не привело к снижению значения Ростиславля как пограничного пункта и места, откуда могла исходить опасность для Московского великого княжества в случае нападений крымских татар. В Разрядных книгах XVI в. Ростиславль упоминается довольно часто, однако лишь как ориентир для русских войск, собиравшихся на Оке в летнее время для предотвращения возможных нападений татар. В писцовых книгах по-прежнему фигурирует Ростиславский стан – административная единица теперь уже Московского государства (Коваль, 2004).

Был ли Ростиславль XVI в. крепостью? Представляется, что с подчинением Рязанского княжества Москве военное значение города было полностью утрачено: московские власти не считали нужным поддерживать довольно слабые укрепления города, тем более что относительно недалеко появилась гораздо более серьезная крепость – заложенный в 1528 г. каменный Зарайский кремль. Ни гарнизонов (пусть даже временных), ни вооружения Ростиславль в это время не имел: основная линия обороны московских войск проходила, как и раньше, по левому берегу Оки (где действительно располагались внушительные силы), а Ростиславский стан рассматривался как одна из многочисленных буферных зон Московского государства...

Эта ситуация очень хорошо прослеживается по остаткам фортификации города. Исследования показали, что в середине XV в. был засыпан ров перед валом мысового узла фортификации (Коваль, 2003а. С. 256–270). Чуть позже (возможно, в первой половине XVI в.) разрушается главная оборонительная стена детинца. В результате фортификация Ростиславля к середине XVI в. представляла собой лишь руины прежде существовав-

ших мощных укреплений (земляные валы). Ров перед валом, оставшимся от стены детинца, также частично заплыл. Итак, в XVI в. Ростиславль практически утратил систему укреплений, существовавшую там в XIII–XV вв.

Возможно, эти локальные процессы связаны с общей ситуацией, в которой Рязанское княжество оказалось в начале XVI в. Окончательное присоединение к Московскому Великому княжеству привело к снижению роли Ростиславля: из важного пункта отдельного княжества он постепенно превратился в один из десятков мелких московских городов. Конечно, из этого не следует, что город мгновенно опустел, а жители его, подобно племени Израилеву, разбрелись по лицу земли. Внешне он продолжал жить как прежде; планировка Ростиславля, его улиц, общие места размещения усадеб остаются прежними: дворы располагаются вдоль центральной улицы, ведущей к церкви, которая также продолжала существовать.

Из таких дворов наибольший интерес вызывает крупная постройка, находившаяся на площадке городища в середине XVI в., остатками которой была яма 350, исследованная при раскопках 2003 г. (Коваль, 2003б. С. 24–38; 2005). Надо заметить, что рядом с этим сооружением были вскрыты остатки более ранней постройки (также больших размеров), которая была разобрана жителями города в конце XV – начале XVI в. Постройка середины XVI в., скорее всего, являлась прямой наследницей более ранней постройки и принадлежала, вероятно, одной семье. Как и все постройки в Ростиславле, это сооружение фиксировалось лишь по яме погребка глубиной более 2 м. Площадь погребка составила 4,5×4,5 м, так что площадь сооружения над ним была не меньше, а, скорее всего, значительно больше. Но гораздо интереснее

оказались даже не такие большие размеры сооружения (редкие для Ростиславля), но то, что находилось внутри него, прежде всего, свидетельства ряда перестроек.

Сначала строители выкопали обширную яму под погреб, но чуть позже решили уменьшить ее площадь. Они засыпали дно старого погреба (при этом глубина погреба уменьшилась), а в центр поставили деревянную конструкцию из бревен размером 3,8×3,6 м. Так как эта конструкция была меньше старого погреба, то обширное пространство между стенками погреба и конструкции было забутовано мешаным материковым грунтом с включениями культурного слоя. Почему площадь погреба уменьшилась? Конечно, точного ответа на этот вопрос мы не получим; можно лишь предполагать, что либо возникло опасение обрушения стенок старого погреба, либо ремонт погреба связан с перестройкой дома, размеры которого уменьшились.

Но этим дело не ограничилось. Через какое-то время деревянная конструкция была разобрана, а внутренний ее объем засыпан тем же мешаным материковым грунтом. Вероятно, дом в это время уже перестал существовать. Но история подпола на этом не заканчивается. Через некоторое время на этом же месте в еще рыхлом заполнении было вырыто новое углубление размерами 3,0×2,6 м и глубиной не более 1,2 м от уровня материковой поверхности на раскопе. На этот раз стенки этого углубления не выкладывались бревнами, они были обшиты досками. Как мы видим, на протяжении всей строительной истории этого сооружения погреб мельчал как по площади, так и в глубину. Возможно, это связано с перестройками (а может быть, и периодическим сносом) дома, под которым он находился; трудно себе представить такие довольно трудоемкие работы (перенос грунта, бревен, досок, их монтаж) внутри дома.

Конец этой постройки был быстрым. Многократно перестроенный погреб сгорел (при этом, очевидно, сгорел и дом, который находился над подполом), после чего сооружение было почти сразу засыпано культурным слоем, взятым с площадки городища.

В засыпку попали вещи довольно ранние – стеклянные браслеты, серебряная монета – подражание дирхему с рязанской надчеканкой XV в., обломок цилиндрического замка (тип В по Б. А. Колчину), семь наконечников стрел (*Коваль*, 2005. Рис. 1, 1–7), которые датируются XV–XVII вв. (*Двуреченский*, 2006. Рис. 37. Типы 3, 6, 9). В этой же засыпке встречены и странные находки человеческих останков. Это череп без нижней челюсти и обломки второго,

частично обугленного, черепа (также без нижней челюсти), несколько обломков локтевой кости и пальцев рук. Такое состояние черепов и наличие лишь разрозненных частей скелета заставляет предполагать, что они попали в заполнение ямы с площадки городища уже в виде отдельных костей, а не захоронения. Вероятно, к моменту засыпки ямы мягкие ткани уже успели сгнить, а кости рассматривались при засыпке как мусор. Естественно предположить, что источником этих зловещих находок стало кладбище, откуда бралась земля для засыпки сгоревшего подпола. Итак, черепа и кости, видимо, не связаны с хозяевами сгоревшего дома. Какова же причина гибели постройки? Конечно, возможна исключительно бытовая версия происшедшего: случайные пожары, от которых сгорали целые города, в Древней Руси были не редкость. Однако есть как минимум два момента, которые заставляют усомниться в бытовой версии происшедшего.

Первый вопрос: почему на месте сгоревшего сооружения не возводится новое? В Ростиславле мы могли наблюдать несколько случаев, когда рядом, а то и на месте снесенных сооружений возникали новые. Например, рядом с рассмотренной постройкой в XV – начале XVI в. существовало другое сооружение, разобранное в начале XVI в. Ничего подобного в середине XVI в. не происходит, постройка сгорает и более уже на этом месте не возобновляется. Значит, хозяева сгоревшего дома либо погибли, либо совсем ушли из Ростиславля.

Второй вопрос вытекает из первого: существуют ли надежные сведения о том, что Ростиславль в XVI в. подвергался нападениям врагов? Ответить на этот вопрос однозначно довольно трудно. С одной стороны, не выявлено следов массовых пожаров и мест массовой гибели людей. Нет следов пожаров и на валах, нет следов боевых столкновений во рву городища. Не обнаружено ни одного братского кладбища (наподобие кладбищ в Старой Рязани и Ярославле), связанного с нашествиями. Нет и документальных упоминаний о разорении города.

Другое дело, что узлы сопротивления на городище могли быть локальными. Например, отпор нападающим могли оказать лишь в доме какого-либо должностного лица, тогда как остальные жители города могли просто уйти, оставив свои жилища. Не говоря непосредственно о событиях в Ростиславле, русские летописи XVI в. фиксируют довольно бурные события вокруг него. Напомним, что в 1511 г. возобновляются регулярные татарские набеги на русские земли. В этом году перестает существовать кратковременный союз между Крымским ханством и Великим княжеством Московским. Как

правило, путь этих набегов (с небольшими вариантами) был уже проторен и известен как нападавшим, так и обороняющимся. Он проходил через Оку и включал в себя почти дежурное разорение Коломны, Серпухова и ряда других приокских городов. В их число мог попадать и Ростиславль. По крайней мере, ростиславское направление считалось у московского командования одним из важных.

С 1521 г. московские войска ежегодно выдвигаются на окский рубеж, одним из пунктов которого является и место напротив Ростиславля. В 1523 г. отряды крымского хана Ислам-Гирея пытаются перейти Оку непосредственно «под Ростиславлем», это уточняет Новгородская II летопись (ПСРЛ, 1841. С. 199). После перестрелки через реку татары сочли за благо вернуться обратно в степь. Потом последовал набег 1528 г., когда Ислам-Гирей вновь решил посетить окские просторы и перейти Оку опять под Ростиславлем: «И пришла весть прямая, что Ислам идет к Ростиславлю и Оку реку хочет лести под Ростиславлем» (РК, 1966. С. 71). Как и в прошлый раз, на московском берегу Ислама уже ждали русские воеводы, которые не дали крымскому хану форсировать Оку, а, дождавшись подкрепления из Каширы, сами перешли в наступление и в районе Зарайска нагнали убежавших татар, уничтожив часть отряда хана Ислама.

В свое время В. Ю. Коваль высказывал предположение о том, что татары, возможно, разорили Ростиславль, не желая оставлять у себя в тылу русскую крепость (Коваль, 2004. С. 18). Однако теперь в свете новых археологических данных следует отметить, что как крепость Ростиславль был совершенно безопасен для нападающих. Слабые укрепления города, отсутствие в нем постоянного гарнизона позволяют допустить, что татары и не штурмовали город, так как никакой опасности для их многотысячных орд он не представлял, да и главной их целью было как можно быстрее перебраться на «московский» берег Оки, там выйти на оперативный простор и двинуться к Москве. Возможно, татары могли использовать Ростиславль лишь как место пополнения запасов провианта. Добавим к этому и то, что в 1520–1530-е годы в Ростиславле, видимо, вообще отсутствовала городская администрация, которая могла бы организовать хоть какое-то сопротивление: последний ростиславский наместник Кобяков потерял эту должность с присоединением рязанских земель к Московскому Великому княжеству в начале 1520-х годов. Говорить же о московском наместнике в Ростиславле мы не можем, так как никаких данных об этих чиновниках в доступных

Рис. 1. Выход татар на берег Оки (слева – русское войско, справа – татарское) (ЛС, 2011. С. 148). (См. цв. вкл.)

нам письменных источников не имеется. Учитывая очевидное снижение значения города, можно предположить, что в XVI в. речь могла идти не о должностном лице, назначаемом из Москвы, а о местном выборном старосте.

В 1530-е годы набеги татар продолжают довольно регулярно, причем, например, в 1533 и 1535 гг. татары доходят до Оки. Правда, в этих летописных сведениях Ростиславль не упоминается как город, пострадавший от набегов.

Исключение в этом бесцветном для историка ряду набегов составляет лишь татарский поход 1541 г., когда на берегах Оки разыгралось сражение с применением артиллерии. Этот поход возглавлял крымский хан Сагиб-Гирей, отряд которого сопровождала турецкая артиллерия. Его орды несколько дней безуспешно осаждали Зарайск, а после выдвинулись к Оке, в район Ростиславля, где 30 июля и произошла первая в истории артиллерийская дуэль русских войск и татар. Некоторые летописи отмечают, что сам хан наблюдал за перестрелкой, стоя на «горе на высоком месте». Привлекательно выглядит идея о том, что и орудия, и сам хан находились на территории Ростиславля, так как именно это место обеспечивает максимальный обзор московского берега Оки (рис. 1).

Рис. 2. Попытка татар переправиться через Оку на тарах (ЛС, 2011. С. 149). (См. цв. вкл.)

Однако ситуация с этой перестрелкой требует некоторого пояснения. Действительно, летопись говорит о том, что пушки татар стояли на возвышенности (откуда за ходом боя наблюдал и хан Сагиб-Гирей). В это же время татарская конница готовилась переправиться через Оку и сразиться с русскими войсками. Могло ли это происходить на территории Ростиславля? Мы можем допустить, что пушки располагались рядом с городом. Вряд ли они стояли в самом городе: это неудобно для артиллеристов, да и в этом случае были бы обнаружены хоть какие-то следы этой перестрелки (например, ямы для размещения орудий). Кроме того, скорее всего, артиллерийский огонь татар должен был прикрывать переправу конницы через реку. Однако такая масса коней и переправочных средств просто не могла собраться непосредственно под Ростиславлем, на узкой полоске берега: здесь было слишком тесно, а также в этом случае татары оказывались практически под прицелом русских орудий. Маневрировать же, уклоняясь от артиллерийского огня русских, на таком узком пространстве было невозможно. Логичнее предположить, что штурмовая группа конницы формировалась на более широкой части берега, чуть дальше от Ростиславля, ниже по течению реки. В этом

месте есть и возвышенность (правда, не такая внушительная, как в Ростиславле), где можно было расположить пушки, и берег реки несколько шире, что позволило бы организовать переправу.

Для того чтобы лучше разобраться в этом вопросе, напомним, в чем заключалась тактика татарского войска при форсировании рек. Согласно Дж. Флетчеру, татары «ставят вместе трех или четырех лошадей и к хвостам их привязывают длинные бревна, на которые садятся и, таким образом, перегоняют лошадей через реку» (Флетчер, 2002. С. 103). Иную схему излагает Г. Боплан (правда, его свидетельства относятся к 1650-м годам): «Татары переправляются... следующим образом: они имеют очень плоские лодки, поперек которых прикрепляют жерди, к последним привязывают лошадей в ряд, одну за другой, в одинаковом количестве с обеих сторон лодки, чтобы сохранить равновесие; затем кладут в лодку свой багаж и начинают переправу: привязанные лошади следуют таким образом и тихо переплывают лиман; лошади положительно выбиваются из сил, но, привязанные довольно коротко к поддерживающим их жердям, при медленном движении судна, они переплывают реку легко; разумеется, все это возможно только в хорошую, тихую погоду» («Гийом Левассер-де-Боплан...», 1901. С. 15–16). Следует заметить, что Боплан здесь говорил об устье Днепра в районе Очакова, где течение довольно медленное. О том, что татары планировали не просто пройти по ростиславскому броду, а осуществить планомерную переправу, свидетельствуют данные Лицевого летописного свода, где упоминаются татарские «тары», а рисунки четко фиксируют эти тары, к которым привязаны лошади (рис. 2).

В случае с Ростиславлем действия татарской конницы дополнялись действием артиллерии, что также влияло на особенности форсирования: артиллерия должна была располагаться на некотором отдалении, чтобы не пугать непривычных к звукам выстрелов татарских лошадей. Итак, в любом случае для форсирования Оки татарам требовался гораздо более широкий плацдарм, нежели береговая линия непосредственно под Ростиславлем. Кроме того, течение в месте переправы должно было быть не очень сильным.

Дальнобойность турецкой артиллерии во второй половине XV в. могла достигать 800 и более метров, поэтому вполне возможно, что татарские батареи, размещенные на возвышенном месте, на правом берегу Оки, могли вести обстрел русских войск, располагавшихся на пологом левом берегу (рис. 3). Конечно, при этом точность стрельбы

Рис. 3. Начало артиллерийского обстрела русских войск татарами (ЛС, 2011. С. 150). (См. цв. вкл.)

Рис. 4. Подход к Оке русской артиллерии крупного калибра (ЛС, 2011. С. 175). (См. цв. вкл.)

могла быть невысокой: слишком уже большое расстояние приходилось преодолевать ядрам татарских пушек¹, однако этот недостаток отчасти компенсировался небольшим углом прицела, так как пушки находились на возвышенности.

Конечно, неизбежен вопрос: возможно ли найти следы русских и татарских батарей и следы этой перестрелки вообще? К сожалению, это почти нереально. Несмотря на то что бой, согласно источникам, продолжался весь световой день, количество ядер, выпущенных противниками не могло быть большим, так как интенсивность артиллерийского огня в XV, да и в первой половине XVI в. оценивалась в среднем не более 10 выстрелов в день на одно крупнокалиберное орудие (Беленицкий, 1949. С. 28). Орудия мелкого калибра, конечно, вели более интенсивную стрельбу, однако все-таки темп этой стрельбы был все еще довольно низок. Поэтому в любом случае количество ядер, которое может находиться на месте сражения, относительно невысоко. К тому же ситуация усложняется и большой площадью места сражения (фактически

это несколько квадратных километров левого берега). Тем не менее случайные находки русских и татарских каменных ядер вполне возможны как на поле на левом берегу Оки, так и на правом берегу, если, конечно, противники не использовали картечь – каменный щебень.

Завершая это отступление, отметим, что артиллерийская перестрелка у Ростиславля не привела к победе татар. Некоторое количество турецких пушек было разбито ответным русским огнем, но гораздо хуже для нападающих оказалось то, что к вечеру 30 июля русские стали подвозить орудия большого калибра, возможно, базировавшиеся в Коломне (рис. 4). Все это привело к отходу татар обратно в степь.

Набег 1541 г. стал одним из последних – в это десятилетие начинает действовать укрепленная линия обороны Московского государства, проходившая по городам Пронск, Михайлов, Зарайск, Тула, Одоев, Белев. Это несколько снижает напряженность вокруг Ростиславля. Впрочем, новая линия обороны не спасла многие русские города

¹ Напомним, что, согласно исследованиям, дальность действенного огня орудий во второй половине XV – XVI в. не превышала 200 м (Яковлев, 1931. С. 52). Конечно, ядра могли лететь и дальше, но их убойная сила, равно как и точность попадания, при этом значительно снижались.

от опустошительного нашествия Девлет-Гирея в 1552 г. Пострадал ли в результате этого набега Ростиславль, мы не знаем. В летописных источниках он более не упоминался.

Итак, вернемся к вопросу, заданному выше: можно ли считать описанную постройку следом одного из этих нашествий? Возможно, постройка действительно была разрушена в один из таких набегов. Учитывая массовый материал, обнаруженный в ее заполнении, это мог быть набег и 1541 г., и 1552 г. Причем предположение о набеге 1541 г. выглядит более предпочтительным, так как рядом со сгоревшей постройкой обнаружен фрагмент редкой на Руси подковы-пластины, встречающейся в Османской Турции и на территории Центральной Европы в XVI–XVII вв. (*Двуреченский*, 2004. С. 239. Рис. 1, 9–14). Эта находка может быть связана с пребыванием в Ростиславле или около него турок в составе группы, обслуживавшей артиллерийские орудия.

Другие места городища не несут на себе следов этих трагических событий, но очень показательны в плане изменения города, его жизни. Прежде всего, в XVI в. расширяется кладбище, захватывая места, на которых прежде находились усадьбы. Крупные усадьбы на площадке городища, таким образом, оказываются в непосредственной близости от кладбища.

Следует заметить также, что в XVI в. на мысовой площадке Ростиславля откладывался культурный слой, зафиксированный на внутренней стороне вала мысового узла фортификации (этот вал был полностью насыпан в эпоху раннего железного века, но мог использоваться в XII–XIV вв.). Об этом свидетельствуют находки керами-

ки XVI в. из верхних слоев вала. Следов каких-либо боевых действий, происходивших вокруг вала в XVI в., не выявлено. Тем не менее само наличие слоев XVI в. на мысовом валу в очередной раз подтверждает тезис о продолжении жизни города на протяжении всего XVI в. Там же, в мысовой части, в XVI в. находилась небольшая постройка, которая, скорее всего, была жилой. При этом говорить о каком-то фортификационном использовании вала дославянского городища мы не можем, никаких дополнительных оборонительных элементов здесь не возводится.

Анализируя характер и плотность исследованной застройки Ростиславля, можно сделать вывод о том, что город в XVI в. по-прежнему был заселен, хотя и не так плотно, как в предыдущее время. Эти данные противоречат фразе из книги известного знатока рязанских древностей А. И. Цепкова: «Опустошительные набеги татар в третьей четверти XVI в. привели к упадку старинных рязанских городов: Переяславля-Рязанского, Пронска, Перевитска, Ростиславля и др. Перевитск и Ростиславль восстановить не смогли» (*Цепков*, 2005. С. 458). Как видим, и письменные документы, и данные археологии показывают, что это не совсем так. Процесс увядания города начался еще в XV в., события века XVI лишь ускорили его, но при этом не завершили.

В целом очевидно, что количество жителей города уменьшалось; процесс исхода, начавшийся в XV в., продолжался и в XVI в. Сокращалась не только застройка городской площадки, снижалась площадь посадок и численность населения – возможно, речь может идти о нескольких десятках жителей либо чуть более сотни.

Литература

Беленицкий А. М., 1949. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV–XV вв. // Изв. Таджикского филиала АН СССР. Сер. История и этнография. Сталинабад, 1949. № 15.

Гийом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901.

Двуреченский О. В., 2004. Средства и приемыковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // АП. М.

Двуреченский О. В., 2006. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // АП. Вып. 3. М.

Коваль В. Ю., 2003а. Детинец Ростиславля Рязанского: проблемы интерпретации и системы фортификации // Кремли России/Московский Кремль. Материалы и исследования. Т. XV. М.: ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль».

Коваль В. Ю., 2003б. Отчет об археологических исследованиях на городище Ростиславль, селище Сосновка IV и разведках в Озерском районе Московской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 27270.

Коваль В. Ю., 2004. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // АП. М.

Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула.

ЛС. Кн. 20. 1541 I–1551 гг. М., 2011.

ПСРЛ, 1841. Т. III. Новгородские летописи. СПб.

РК. 1475–1605 гг. М., 1966. Т. 1.

Флетчер Дж., 2002. О государстве русском. М.

Цепков А. И., 2005. Свод письменных источников по истории Рязанского края. Т. 4. Рязань.

Яковлев В. В., 1931. Эволюция долговременной фортификации. М.: Воениз.

A. N. Medved

Rostislav in the C16th – an outpost of the Principality of Muscovy

Summary

This article describes a period in the life of the town of Rostislav by Ryazan, in the C16th. Numerous archaeological complexes are described, and a theory is outlined which connects these complexes to the mid-C16th – notably to the period of Tatar raids on

Muscovy in 1541. Manuscript accounts of these raids are taken into account, and a hypothesis is advanced for the presumed location of these raids. On overall view is taken of life in Rostislav in the latter part of the C16th.